

Исследовательская статья

УДК 261.8

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-59-70>

МОДЕЛИ ЭКУМЕНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

Любовь Анатольевна Городилова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
liubov9506@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9602-9921>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению моделей экуменического диалога в российском контексте на примере Русской православной церкви Московского патриархата в связи с интенсивным обсуждением темы экуменизма в научной религиозоведческой и богословской литературе. Цель предпринятого анализа — выявить действующие в настоящее время модели экуменического диалога. Для достижения этой цели выделены наиболее обсуждаемые в России концепции экуменического диалога; проведён их концептуальный анализ; уточнено значение для решения практических задач. Особое внимание уделено научно-богословской дискуссии о

концепции «двух экуменизмов» (А.В. Шишков). Рассмотрены основные подходы к проблеме экуменизма, выдвинутые представителями русского православия и Русской православной Церкви Московского патриархата (РПЦ МП) в частности. Речь идёт прежде всего о трудах прот. Г. Флоровского, еп. Серафима (Соболева) и архм. Софрония (Сахарова); а также прот. М. Козлова, митр. Илариона (Алфеева) и др. Здесь определены три основных течения: анти-экуменисты, выступающие против любого диалога с инославием; умеренные экуменисты, которые обосновывают идею разделения приемлемых и неприемлемых форм экуменизма, настаивая на отказе от внесения каких-либо «поправок» в вероучение; экуменисты-модернисты, готовые на перемены в учении церкви ради ведения диалога. Также представлена позиция Римской католической церкви (РКЦ), установленная на основе обращённых к православным посланий пап, а также представителей официальных структур РКЦ. На основе сравнения полученных данных прослежена концептуализация понятия «экуменизм», выделены основные подходы к его интерпретации в контексте истории экуменического движения XX в. Обоснован вывод о сохранении современным экуменическим диалогом стремления сохранить базовую установку об основополагающем значении тезиса о единении христиан. При этом единение по-прежнему может пониматься и как единение в рамках единой Церкви, и как создание общего пространства церковного общения без «пересечения границ». Показано, что приня-

тая в современной религиоведческой литературе терминология не в полной мере отражает специфику этих ключевых моделей экуменического диалога. Предложена концептуальная корректировка путём введения уточняющих определений «адаптивный» и «интегративный» экуменический диалог.

Ключевые слова: экуменизм, экуменический диалог, межконфессиональный диалог, экуменическое движение, Всемирный совет церквей, Русская православная церковь, антиэкуменизм, консервативный экуменизм

Для цитирования: Гордилова Л.А. Модели экуменического диалога в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 2. — С. 59–70. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-59-70>

Research article

MODELS OF ECUMENICAL DIALOGUE IN THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OF THE MOSCOW PATRIARCHATE

Liubov A. Gorodilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

liubov9506@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9602-9921>

Abstract. The article is devoted to the models of ecumenical dialogue in the Russian context on the example of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. The wide-spread and flourishing discussions about ecumenism in the religious studies and theological fields constitute the problem of this study. The author investigates the problem with the aim to identify existing models of an ecumenical dialogue. Following from this purpose the most significant and discussed concepts of ecumenical dialogue in Russia are noted. The emphasis is placed on the widespread concept of two ecumenisms, most fully disclosed by A. V. Shishkov, and related discussions in the scientific and theological fields. Also, a discussion in the church discourse was revealed, which is based on the concepts of representatives of the Russian Orthodox Church: prot. M. Kozlov, mitr. Hilarion (Alfeyev), fr. Georges Florovsky, archm. Sophronia (Sakharova) and others. To outline the broad picture, there was established the position of the Roman Catholic Church as well as its messages addressed to Orthodoxy. In addition, three main trends in the Russian Orthodox Church in relation to ecumenism are identified and described. The first is anti-ecumenism, its members are against any dialogue with non-Orthodoxy. The second is moderate ecumenism, where participants advocate the idea of acceptable and unacceptable forms of ecumenism without making edits to the Church doctrine, and the third are modernist ecumenists who are ready for changes in the teaching of the Church for the sake of the dialogue. Then, there was a transition to the term *ecumenism* in the context of modern conceptions about the phenomenon and also in the context of the history of the ecumenical movement of the 20th century. The author makes a conclusion about a fundamental importance of the idea of the unity of Christians for the identification of models of ecumenical dialogue. The unity can be determined as unity in one Church, as well as unity within a common space of communication without crossing borders and making one united church. It is noted that the existing concepts and terminology do not reflect this aspect, thus the author suggests the possibility of using such terms as *adaptive* and *integrative* dialogue, and lays out prospects for solving the problem.

Keywords: ecumenism, ecumenical dialogue, interfaith dialogue, ecumenical movement, World Council of Churches, Russian Orthodox Church, anti-ecumenism, conservative ecumenism

For citation: Gorodilova, L. A. (2022) 'Models of Ecumenical Dialogue in the Discourse of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(2), pp. 59–70. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-59-70>

Экуменический диалог, как диалог между различными ветвями христианства, имеет древние корни, однако в своём современном виде он конституировался в начале XX в. по инициативе протестантских церквей. Условным началом современного периода экуменизма принято считать Эдинбургскую миссионерскую конференцию 1910 г., состоявшуюся за 4 года до начала Первой мировой войны, когда наиболее проникательные религиозные деятели отчётливо осознали нарастающее в обществе напряжение. На признание необходимости усиленного диалога между христианами всех конфессий повлияли не только кризисы и революции, но и заметное усиление в этот период секуляризационных процессов. При этом участники диалога поначалу представляли, как именно должно происходить межконфессиональное взаимодействие, лишь в теории, и нескончаемый «спор об определениях» оказался одним из ключевых направлений дискуссий об экуменизме. Позднее основные принципы экуменического диалога были описаны Паулем Тиллихом в труде «Христианство и встреча мировых религий» [Тиллих, 1995: 396–441]. Однако необходимость обсуждения этих принципов, так называемых *моделей экуменического диалога*, существует по сей день. Она обусловлена не только решимостью развивать взаимодействие, но и отсутствием консенсуса по вопросу о его формах, приемлемых для всех участников.

Сегодня дискуссии о моделях экуменического диалога ведутся в научном религиоведении, богословии, а также среди христианских священнослужителей и мирян

всех конфессий. В обсуждении участвуют группы авторов, позиции которых существенно разнятся. При этом они нередко ссылаются на одни и те же материалы: в частности, на итоги участия христианских организаций во Всемирном экуменическом движении¹, а также в деятельности Всемирного совета церквей² (далее — ВСЦ), результаты двухсторонних встреч конфессий.

Если дифференцировать «дискуссию о моделях» по ключевым направлениям обсуждения, то наиболее востребованными здесь оказываются следующие: что такое экуменизм и экуменический диалог; о каком единении христиан идёт речь; с какими целями координируются конкретные формы взаимодействия и каковы допустимые границы такого взаимодействия. В поисках ответов на эти вопросы сложился ряд исследовательских подходов к моделям экуменизма (экуменического диалога), речь о которых пойдёт ниже.

Так, в российском религиоведении об экуменизме начали говорить ещё в советское время. Здесь выделяются работы Н.С. Гордиенко [Гордиенко, 1972] и Ю.В. Крянева [Крянев, 1980], где дана общая характеристика экуменизма (преимущественно сквозь призму его политических и идеологических аспектов). Более современные работы М.В. Шкаровского [Шкаровский, 2012], О.Ю. Васильевой³ и др. сосредоточены преимущественно на исторических аспектах перечисленных выше вопросов. В целом все эти исследования безусловно дают развёрнутое представление о феномене экуменизма. Однако на их основе сложно говорить о формах эку-

¹ Обобщённое название движения за единство христиан, начавшееся в первой половине XX в.

² Самая крупная всемирная экуменическая организация, основная институализированная форма выражения всемирного экуменического движения.

³ Васильева О.Ю. Государство, Русская Православная Церковь и экуменизм: исторические аспекты проблемы // Исторический вестник. — 2000. — № 1. — С. 115–118.

менического диалога, — то есть в них не раскрыта тема, не утратившая, как уже отмечалось, актуальность в наши дни и ставшая исследовательским вопросом данной статьи.

Единственное исследование, касающееся моделей экуменического диалога, принадлежит А.В. Шишкову, который на основе оценки характера взаимодействия контрагентов выделяет два экуменизма: классический и консервативный [Шишков, 2017: 269; Шишков, 2018: 13]. Первая модель — экуменизм «классический», связанный с модернистскими настроениями и склонный к экспериментам. К нему относится экуменизм в рамках ВСЦ. Вторая модель — консервативный экуменизм с его стремлением к совместной поддержке «традиционных ценностей» и в то же время к соблюдению профессиональных границ [Шишков, 2017: 269–300]. Данная форма встречается в так называемых консервативных христианских альянсах. В обсуждении двух форм экуменизма помимо А.В. Шишкова участвуют Кристофер Струп⁴, Наталья Василевич⁵ [Vasilevich, 2013], архм. Кирилл (Говорун) [Novogun, 2017], Кристина Штёкль [Штёкль, 2018: 58–86] и др.

В концепции «двух экуменизмов», однако, имеется существенный недостаток. А именно, не совсем понятно, где проходит граница между этими двумя моделями экуменического диалога. Основным пример классического экуменизма в работах А.В. Шишкова — ВСЦ, куда входит в частности Русская Православная церковь Московского патриархата (далее — РПЦ) и другие православные церкви. Здесь их позиция не отличается от их позиции в контексте консервативных диалогов: акцент делается на взаимодействиях на уровне двухсторонних отношений или в рамках более широких альянсов, созданных для содействия решению социальных проблем.

В вопросах классификации зарубежных моделей диалога существенное значение имеют работы С.В. Мельника [Мель-

ник, 2020], хотя они в большей степени акцентированы на межрелигиозном и межконфессиональном диалоге. В трудах представителей западных стран весьма распространена оценка экуменических коммуникаций через принципы инклюзивизма, эксклюзивизма и плюрализма, которая проводится в рамках отдельной дисциплины — теологии религий [Кочергин, 2014: 105]. Здесь сложилось устойчивое мнение, что на указанных принципах строятся не только сами концепции экуменизма, но также их классификации (которые в российском научном дискурсе принято относить к межрелигиозному или межконфессиональному диалогу). К наиболее значимым авторам, отстаивающим эту позицию, можно отнести Пола Книттера [Knitter, 1985], Джона Хика [Hick, 1982], Раймунда Паниккара [Panikkar, 1981], Жака Дюпуи [Dupuis, 1997], Вели-Матти Кярккяинен [Kärkkäinen, 2003] и др. Представляется, что принципы инклюзивизма, эксклюзивизма и плюрализма достаточно хорошо апробированы и позволяют сделать классификацию более релевантной, поэтому их стоит учитывать в разработке моделей экуменического диалога и на почве отечественной науки.

Не менее распространены в научной литературе концепции, где в качестве основания классификации моделей экуменического диалога используются представления его участников о единстве Церкви, степени их допустимого сближения в процессе взаимодействия и т.п. Примером такого подхода может служить мысль диака Андрея Кураева о «10 экуменизмах» [Кураев, 2008]. Подобные подходы представлены идейными течениями внутри отдельных церквей; также они обсуждаются в богословских трудах представителей православия (включая РПЦ): о. Георгия Флоровского, прот. Г. Разумовского, Н.А. Бердяева, прот. Максима Козлова, диака Андрея Кураева, А. Осипова и др. Этих авторов условно можно разделить на три группы: модерни-

⁴ Stroop C. Bad Ecumenism: The American Culture Wars and Russia's Hard Right Turn // The Wheel. — 2016. — № 6. — С. 20–24.

⁵ Vasilevich, N. Orthodox Perspective of the Faith and Order Ecumenical Ecclesiological Convergence Document "The Church – Towards a Common Vision". — Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2012.

сты-экуменисты выступают за максимальную открытость и сближение; антиэкуменисты полностью отрицают возможность диалога в этой сфере и выступают против самого упоминания слова «экуменизм»; умеренные экуменисты солидарны с точкой зрения, высказанной митр. Иларионом (Алфеевым): «экуменизм экуменизму рознь»⁶.

Официальная позиция РПЦ, несмотря на существующие внутри неё частные мнения, выражена в документе «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославии»⁷. В документе имеется чёткие формулировки, посвящённые вопросу участия РПЦ в ВСЦ. Важно отметить, что акцент в тексте делается на индивидуальном подходе в определении отношения к каждой христианской конфессии, а Православная церковь описана как обладающая полноценным единством.

Необходимо обратить внимание на мнение прот. Максима Козлова, председателя Учебного Синодального комитета РПЦ, «Члена Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви, Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви, Синодальной библейско-богословской комиссии, Межведомственной координационной группы по преподаванию теологии в вузах»⁸. Приведём цитату, отражающую его точку зрения на экуменизм: «Определение понятия “экуменический” было дано на Второй Всемирной конференции движения “Жизнь и деятельность” (“Life and order”) в июне 1937 г. в Оксфорде. Цитирую это определение: “Термин “экуменический” относится к выражению в истории единства Церкви. Сознание и де-

яния Церкви экуменичны, поскольку они направлены на осуществление единой святой Церкви, братство христиан, признающих единого Господа”»⁹.

Прот. Максим Козлов именуется оформленные таким образом представления об экуменизме «классической протестантской идеей» — «выявить единство, как будто оно не явлено в исторически пребывающей на земле Вселенской Церкви Христовой. Таким образом, несомненный для каждого православного факт реального бытия единой святой соборной апостольской Церкви, веру в которую мы исповедуем в девятом члене Символа веры, в данном случае полагается как цель, которая должна ещё быть выявлена и осуществлена»¹⁰. Как видим, позиция одного из официальных представителей РПЦ МП перекликается с концепцией «двух экуменизмов» А.В. Шишкова: слово «классический» здесь так же обозначает экуменический диалог в рамках ВСЦ. Сходную точку зрения занимал в своё время прот. Григорий Разумовский, излагая её в своём труде «Экуменическое движение и Русская Православная Церковь»¹¹.

На фоне выделенных моделей представляется необходимым учитывать позицию значимого партнера РПЦ по экуменическому диалогу — Римскую католическую церковь. Как известно, на II Ватиканском соборе РКЦ был принят Декрет об экуменизме «Unitatis redintegratio» (1965). Другим руководящим документом по этому вопросу является экуменическая энциклика папы Иоанна-Павла II 1995 г. «*Ut unum sint*». В последней акцент делается на важности «единства Церкви <...> как обще-

⁶ Иларион (Алфеев), митр. Призрак христианофобии бродит по Европе // Официальный сайт Московского Патриархата. — 2011. — 7 апр. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1447541.html>

⁷ Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославии // Официальный сайт Московского Патриархата. — 2008. — 7 июн. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html>

⁸ Максим Козлов, прот. // Официальный сайт Московского патриархата. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/253316.html>

⁹ Козлов М., прот. Русская православная церковь и экуменическое движение // Портал Православие. — 2006. — 29 мар. — URL: <https://pravoslavie.ru/475.html> Приведённое определение, по словам М. Козлова, принадлежит Генеральному секретарю ВСЦ Виссер ту Хуфту. Подтвердить это к сожалению не удалось из-за отсутствия в открытом доступе документов Второй Всемирной конференции движения «Жизнь и деятельность».

¹⁰ Там же.

¹¹ Разумовский Г., прот. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь: доклад. — Москва: Московская Патриархия, 1948. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Razumovskij/ekumenicheskoe-dvizhenie-i-russkaja-pravoslavnaja-tserkov/

ние-единство по первоначальному образу Троичного единства» [Каспер, 2009: 26-27], единства как «дар и дело Духа Святого. Речь идёт об общении (κοινωνία), которое есть у нас с Богом Отцом в Духе Святом через Иисуса Христа» [Каспер, 2009: 26-27]. В процессе обсуждения Декрета об экуменизме кардинал Вальтер Каспер подчёркивал, что «разделение церквей противоречит воле Иисуса; оно есть грех, а перед миром — соблазн» [Каспер, 2009: 21].

Католическая церковь прямо адресует своё слово о богословских и иных основаниях экуменизма Православным церквям, в частности РПЦ. Со стороны РПЦ официального ответа на сегодняшний день не последовало (упомянутый документ об отношении к инославию описывает ситуацию лишь в самых общих чертах).

В целом внутрицерковная позиция РПЦ по этому спектру вопросов может быть охарактеризована как крайне напряжённая. Чаще всего экуменический диалог приравнивается к межконфессиональному или даже к межрелигиозному; в стороне остаётся разделение вопроса об отношении РПЦ к *разным христианским конфессиям* и вопроса об отношении к *другим религиям*. Такая позиция создаёт трудности для участия православных епископов в молитвах о единстве, а также существенно затрудняет решения по признанию действительности Таинств в ряде христианских церквей. Например, в отношениях РПЦ и РКЦ однозначно признаются Таинства Крещения и Священства (в связи с сохранением апостольского преемства).

Предельная размытость понятий «экуменизм» и «экуменический диалог», как и терминологические разночтения в русскоязычной интерпретации «конфессий», «деноминаций» и «религий» разными церковными объединениями христиан, создают дополнительные трудности установлению реального экуменического диалога. Подобные неясности сами по себе могут служить источниками конфликта. К таким кон-

фликтам можно отнести межхристианские противостояния, конфликты среди православных церквей и внутрицерковные конфликты в самой РПЦ. Можно заметить, что на протяжении последних 50 лет, из которых уже более 20 лет существует документ об отношении РПЦ к инославию, диалог с другими христианами вызывает постоянные подозрения в «экклесиологической ереси экуменизма». Другой вариант этой же позиции — отрицание самого факта существования диалога.

В самом деле, практическая деятельность христианских церквей в области установления экуменического диалога свидетельствует о том, что здесь действительно имеют место те виды взаимодействия, которые с точки зрения таких церквей, как РПЦ МП или РКЦ, могут быть описаны в качестве нарушения границ Церкви, соответственно являясь догматическим отклонением. Одну из таких позиций в своё время хорошо представил свт. Серафим (Соболев) на Московском всеправославном совещании в 1948 г. в докладе «Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении?»¹². Кроме того, ещё у истоков экуменического движения в начале XX в., когда встал вопрос о целесообразности и возможности экуменических взаимодействий с неправославными, о. Георгий Флоровский написал эссе «О границах Церкви» [Флоровский, 1934]. В нём выдающийся философ и богослов рассуждает о понятиях схизмы, раскола, ереси и др., выясняя их место в установлении духовных и организационных («мистических и канонических») границ Православной церкви. В конце своего эссе Флоровский приводит характеристику других христианских конфессий митр. Филарета Московского: «Знай же — никакую Церковь, верующую, яко Иисус есть Христос, не дерзну я назвать ложною» [Флоровский, 1934: 24]. Как следствие принятия такой позиции он отмечает, что не может ничего сказать однозначно о других церквях, может лишь

¹² Серафим (Соболев), свт. Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении? // Доклад, прочитанный архиеп. Серафимом (Соболевым) на Московском всеправославном совещании в 1948 г. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Sobolev/nado-li-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-uchastvovat-v-ehkumenicheskom-dvizhenii/ (дата обращения: 22.02.22).

наблюдать за ними, будучи убеждённым в полноте истины Православия. Более решительный ответ на вопрос о границах Церкви дал архм. Софроний (Сахаров)¹³. Он отдаёт приоритет мистическим границам Церкви, указывая на важность молитвы о восстановлении церковного единства. Это — единственное, что можно сделать на сегодняшний день. Согласно архм. Софронию (Сахарову), такая молитва, необходима поскольку Церковь «по своей природе Единая»: её Единство — ключевая ценность, а разделения — очевидное зло. Его позиция во многом перекликается с позицией представителей РКЦ, в частности, с точкой зрения кардинала Вальтера Каспера. Но есть и существенное отличие — архм. Софроний (Сахаров) не углублялся в вопросы отношений между конкретными церквями. Также он не пытался решить проблему границ церкви в отношении какой-либо конфессии с позиций богословия.

Нужно сказать, что молитва о единстве, которая признаётся большинством христианских церквей и в какой-то мере РПЦ, оценивается в дискуссии об экуменизме неоднозначно. Даже её оценки в качестве допустимой формы экуменизма существенно разнятся. В наши дни руководство РПЦ МП (и в частности, Отдел внешних церковных связей (ОВЦС)) подвергаются критике в связи с участием РПЦ в таких мероприятиях совместно с католиками и протестантами. Из-за этого в 2021 г. представители ОВЦС не участвовали в мероприятии¹⁴, но вернулись к участию в 2022 г.

Помимо тех форм, которые могут иметь негативную смысловую коннотацию и/или подвергаются критике по другой причине (например, в силу их принадлежности к иной модели диалога), существуют формы взаимодействия, принимаемые и

одобряемые всеми христианами уже на текущем этапе экуменического диалога. К таким формам на сегодняшний день можно отнести прежде всего взаимопомощь христиан в решении общезначимых социальных задач. Однако остаётся открытым вопрос, являются ли такие взаимодействия формой экуменического диалога, или же им соответствуют более общие понятия межконфессионального либо межрелигиозного диалога. Например, РКЦ может оценивать встречу Патриарха Московского и всея Руси с Папой римским как экуменический диалог, а представители РПЦ прот. Максим Козлов (в данном случае он выступает как специалист, описывавший историю участия РПЦ в ВСЦ и Всемирном экуменическом движении, регулярно обсуждающий вопросы экуменизма) и иерм. Стефан (Игумнов) предпочитают избегать понятия «экуменический диалог», заменив его на «диалог с инославием»¹⁵.

Именно поэтому представляется важной промежуточной задачей уточнить, что понимают под «экуменическим диалогом» представители различных направлений христианства.

Напомним: понятие «экуменизм» происходит от греческого слова «οἰκουμένη», которое переводится как «обитаемая земля», «греческая земля», «земля, мир»¹⁶. В русском языке понятие «ойкумена» используется в схожем значении как «освоенная человеком часть мира», «обитаемая Вселенная»¹⁷. В начале первого тысячелетия, когда возникает христианство, «ойкуменой» называлась территория Римской империи.

В контексте христианской традиции «οἰκουμένη» встречается в Евангелии от Луки, когда речь идёт о переписи населения: ἐγένετο δὲ ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις

¹³ Софроний (Сахаров), архм. Молитвенное приношение старца Софрония. — Москва: Паломник, Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2004. — 144с.

¹⁴ РПЦ отказалась участвовать в Неделе молитв о единстве христиан // Христианская Россия. — 2021. — 22 янв. — URL: <http://christrussia.ru/rpcz-otkazalas-uchastvovat-v-nedele-molitv-o-edinstve-hristian/>

¹⁵ Рафаил (Попов), монах. Стефан (Игумнов), иерм., прот. Козлов М. Зачем Патриарх встречается с Папой Римским? // Портал Православие. — 2016. — 10 фев. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/srpska/print90518.htm>

¹⁶ Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / Сост. И.Х. Дворецкий. — Москва: Гос. изд. иностранных и нац.словарей. — 1958. — Т.2. — С. 1157.

¹⁷ Ойкумена // Словари и энциклопедии «Академик». — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/20229>

ἐξῆλθεν δόγμα παρὰ Καίσαρος Αὐγούστου ἀπογράφεσθαι πᾶσαν τὴν οἰκουμένην («В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле» Лк.2:1 (синод.пер.)).

Следует отметить, что это же понятие использовалось для обозначения Церкви как *объединения* христиан в противовес некому разрозненному состоянию. То есть ойкуменой считалось единое христианское пространство общения. В контексте древней христианской традиции сложно сказать, шла ли речь о мистическом единстве Церкви, то есть об общении всех христиан во Христе, или же речь именно об ареале христианской проповеди. Сложность вызвана тем, что на начальном этапе ещё не было речи о разделении в церкви на самостоятельные конфессии (хотя, разумеется, нельзя не признать: уже в Деяниях и Посланиях апостолов обозначены «отклонения» от христианского вероучения, которые были призваны исправить апостолы и их ученики). Следовательно, ойкумену в древнем значении можно понимать в нескольких смыслах, и концептуализация современного значения экуменизма — дело более позднего времени, сложившееся на основе преемственности некоторых ключевых значений.

Итак, понятие экуменизма в христианской традиции выросло из древнего понимания ойкумены как единения христиан; исторически экуменизм сложился как движение христианской Церкви к устранению расколов и отпадений, к собиранию христиан в Соборной Вселенской Церкви. Практически до XX в. речь всегда шла об экуменизме как восстановлении единства во всех его смыслах.

В эпоху секуляризации и особенно в XX в. ситуация изменилась, появилась необходимость в общении христиан в едином глобальном пространстве. Отчётливо обозначились проблемы социального служения как общей миссии христиан во всём мире. В рамках христианских Церквей наметилась тенденция выхода за рамки внутренних организаций независимых государств (в большинстве из них они потеряли государственный статус или же оказались в крайне шатком положении, многим

требовалась поддержка, которую можно было получить только у других Церквей). В каком-то смысле секуляризация уравнивала Церкви по всему миру, заставила их обратить внимание друг на друга.

Более того, в условиях глобализации христианский мир вступил в активный диалог с миром ислама и мирами восточных религий — буддизма, конфуцианства, индуизма и др. Свобода вероисповедания, появившаяся в большинстве развитых и развивающихся стран, привела к непроизвольному «пересечению миров» разных религий. Сложилось и укрепилось мнение, что необходимо взаимодействовать с этими «другими», строить с ними диалог. От такого диалога нельзя избавиться, просто запретив или заклеймив его в терминах одной религиозной традиции. Герменевтические разработки XIX–XX вв., поиски философии и научного религиоведения так же стали почвой для изменения взгляда на *Другого*, на возможности понимания, интерпретации и связанных с этим способов конструктивного взаимодействия.

За это время экуменизм и Всемирное экуменическое движение даже в одних и тех же Церквях оценивались по-разному. И хотя, как уже было упомянуто, основными инициаторами диалога были протестантские церкви, православные христианские церкви Вселенского Православия (в частности, Русская Православная Церковь) откликнулись на этот призыв в числе первых. Римская католическая церковь активно включилась во Всемирное экуменическое движение после II Ватиканского собора.

При этом со стороны РПЦ в экуменическом движении первоначально заявили о себе выступавшие на различных конференциях эмигранты, не имевшие официального статуса посланников РПЦ и даже не всегда формально относимые к ней. В их числе были выдающиеся церковные деятели, авторитет которых РПЦ признаёт и в настоящее время. Так, в 1930-е–1940-е гг. в Великобритании русские эмигранты совместно со студенческими христианскими организациями вели насыщенный богословский диалог в рамках первого православно-англиканского Содружества св. Албания и преп. Сергия (ос-

новано в 1928 г.¹⁸). В Содружество на тот момент входили: руководитель православной молодежи Николай Зернов, религиозные философы о. Сергей Булгаков и Николай Бердяев, церковный историк проф. А.В. Карташев, о. Сергей Четвериков, о. Георгий Флоровский, В.В. Зеньковский, митр. Антоний (Сурожский) и др. Данное Содружество отчасти повлияло на создание Всемирного совета церквей (ВСЦ) и появление известной Торонтской декларации¹⁹, которая обозначила границы взаимодействия в рамках ВСЦ; последние оказались приемлемы для многих православных церквей. На протяжении XX в. члены РПЦ, как и члены других Церквей, участвовали во множестве экуменических мероприятий, опыт которых до настоящего времени остаётся недостаточно оценённым. Практическими формами взаимодействия стали: попеременное служение православных и англикан на одном алтаре в домашнем храме Содружества св. Албания и преп. Сергия, взаимное посещение богослужений, взаимный интерес к богословским традициям, обсуждение признания канонизации в разных церквях, признание Таинств, совместные молитвы о единстве и так далее.

Как уже было сказано, причина использования самого термина «экуменизм» демонстрирует установку на обретение христианами некой формы единения. При этом, как ни странно, для православных и католических церквей не стоит вопрос нахождения единства Церкви, потому что согласно догматике и Символу веры Церковь уже обладает единством. Православная церковь здесь не заходит далеко в рассуждениях о конкретных путях устранения разделений; Католическая церковь, напротив, признаёт, что для осуществления полноты единства Церкви разделения должны быть устранены. В свою очередь, правосла-

вие признаёт свою миссионерскую цель в отношении диалога с инославием, что может быть рассмотрено как косвенное признание возможностей ведения диалога (правда, без каких бы то ни было формальных и содержательных уступок).

Анализируя экуменизм как стремление к «истинному» («кафолическому») «всемирному» единству (в случае с православием и католичеством это означает присоединение инославных к полноте Церкви), его можно обозначить как *интегративный* диалог («от лат. *integratio* — «восстановление», «восполнение», «соединение»²⁰). Такой диалог предполагает восстановление полноты общения между Церквями, которую возможно достичь путём отказа одной из сторон от своих заблуждений, либо за счёт достижения компромисса, устраивающего все стороны.

В интегративной модели можно выделить как минимум два варианта, которые соответствуют разным подходам к проблеме объединения церквей. Первый — создание церкви с усреднённой догматикой; второй — присоединение одной церкви к другой на основе «отказа от заблуждений». Диалог в обоих случаях будет предполагать интеграцию церквей, но вестись будет по-разному из-за различия целей и ожидаемых практических результатов.

В рамках ВСЦ и связанных с ним так называемых «консервативных диалогах», активно обсуждающих вопрос о том, есть ли смысл использовать само слово «экуменизм», или же правильнее вести речь о межконфессиональном или межрелигиозном диалоге, на сегодня сложилась другая модель диалога, которую можно было бы обозначить как *адаптивную* (лат. *adapto* «приспосаблию»²¹). Такое название выявляет характер диалога, рассматривающего единство как взаимодействие по

¹⁸ Содружество святого Албания и преподобного Сергия // Официальный сайт Московского Патриархата. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/386752.html>

¹⁹ «Торонтская декларация». Церковь, Церкви и Всемирный Совет Церквей. Экклесиологическое значение Всемирного Совета Церквей // Ортодоксия и гетеродоксия: материалы по межконфессиональным связям. 2010. — 27 апр. — URL: <http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/51>

²⁰ Интеграция // Большой Энциклопедический словарь. — 2000. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139698>

²¹ Адаптация // Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. — 2013. — URL: <https://psychology-pedagogy.academic.ru/1286/%D0%90%D0%B4%D0%B0%D0%BF%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>

общехристианским вопросам, но отказывающегося обсуждать вопрос соединения Церквей. Адаптивная модель диалога предполагает создание единого пространства общения по конкретным вопросам взаимодействия, а не для окончательного разрешения богословских споров.

Интегративная и адаптивная модели не сводятся к классическому делению на «классический» и «консервативный» экуменизм, позволяя при этом точнее определить характер взаимодействия участников диалога. Классическая модель, которая уже упоминалась, не даёт понимания конкретных форм и целей взаимодействия: нельзя сказать, например, что в ВСЦ реализуется именно эту модель, поскольку практические примеры говорят об осуществлении ВСЦ и адаптивной модели (скажем, в рамках недавних программ помощи христианам на Ближнем Востоке). Так же нельзя сказать, что консервативные альянсы созвучны только с адаптивной моделью, ведь в их рамках всё же имеют место совместные молитвы о единстве.

В заключение приведём основные выводы статьи. Как было показано, в историческом контексте экуменизм и экуменический диалог в своих определениях всегда содержали отсылку к понятию «единства». Однако в рамках дискуссий об экуменизме, ведущихся в научной и богословской плоскостях, такое единство чаще всего рассматривается односторонне. В РПЦ

мистическое единство обсуждается как эклезиологическая проблема с целью соблюдения границ Церкви, и практически не рассматривается возможность обнаружения путей устранения расколов через углубление в проблему. Акцент делается на единстве в коммуникативном пространстве, которое необходимо для совместной деятельности и взаимопомощи по общезначимым вопросам, что обозначается как консервативная модель диалога. При этом мало внимания уделяется тому, что инклюзивные аспекты, затрагивающие проблему мистического единства Церкви, всё же присутствуют в практике экуменического диалога. Соответственно, нет чёткого разграничения форм экуменического диалога, который ведётся РПЦ; таким образом модель «двух экуменизмов» практически не работает. РКЦ, напротив, глубоко погружается в проблему мистического единства, но её голос не получает (и не может получить) желаемого ответа со стороны РПЦ. Протестантская сторона, открытая к различным дискуссиям, стремится выявлять единство, что неприемлемо и для РПЦ, и для РКЦ. Плодотворным в этой связи представляется поиск других форм экуменического диалога, а именно выделение интегративной и адаптивной моделей, которые учитывают разнообразие подходов к интерпретации возможностей и границ церковного единства в зависимости от целей различных сторон диалога.

Список литературы:

Гордиенко Н.С. Современный экуменизм: движение за единство христианских церквей. — Москва: Наука, 1972. — 200 с.

Каспер В. Православие и католическая церковь. 40 лет после обнародования Декрета Второго Ватиканского Собора об экуменизме «Unitatis redintegratio» // В поисках христианского единства. К 40-летию принятия декларации Unitatis redintegratio. — Москва: ББИ им.св.ап. Андрея, 2009. — С. 19–35.

Кочергин В.В. Теология религий: очерчивая территорию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. — 2014. — № 1. — С. 103–110.

Крянев Ю.В. Христианский экуменизм. — Москва: Издательство политической литературы, 1980. — 160 с.

Кураев А. Вызов экуменизма. — Москва: Грифон, 2008. — 477 с.

- Мельник С.В. Классификация типов межрелигиозного диалога // Коммуникология. — 2020. — Т.8, №2. — С. 25–51. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-87-118>
- Тиллих П. Христианство и встреча мировых религий // Избранное. Теология культуры. — Москва: Юристь, 1995. — С. 396–441.
- Флоровский Г. О границах Церкви // Путь. — 1934. — № 44. — С. 15–26.
- Шишков А.В. Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2017. — Т. 35, № 1. — С. 269–300. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-269-300>
- Шишков А.В. Дискуссия о концепции «консервативного экуменизма» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2018. — Т. 36, №4. — С. 10–29. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-10-29>
- Шкаровский М.В. Актуальные проблемы Русской церковной эмиграции в XX веке: историографические и источниковедческие аспекты // Христианское чтение. — 2012. — № 1. — С. 44–97.
- Штёкль К. Активисты вне конфессиональных границ: «консервативный экуменизм» Всемирного конгресса семей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2018. — Т. 36, №4. — С. 58–86. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-58-86>
- Dupuis J. *Toward a Christian theology of religious pluralism*. — Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1997. — XIV, 433 p.
- Hick J. *God has many names*. — Philadelphia: Westminster Press, 1982. — 140 p.
- Hovorun C. *Ecumenism: Rapprochement Through Co-working to Reconciliation* // Religions. — 2017. — Vol. 8, № 5. — P. 70. <https://doi.org/10.3390/rel8050070>
- Kärkkäinen V.-M. *An introduction to the theology of religions: biblical, historical, and contemporary perspectives*. — Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 2003. — 372 p.
- Knitter P.F. *No other name? a critical survey of Christian attitudes toward the world religions*. — Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1985. — XVI, 288 p.
- Panikkar R. *The unknown Christ of Hinduism: towards an ecumenical christophany*. — London: Darton, Longman & Todd, 1981. — XII, 195 p.
- Vasilevich N. *Already but Not Yet* // The Ecumenical Review. — 2013. — Vol. 65, № 3. — P. 342–344. <https://doi.org/10.1111/erev.12050>

References:

- Dupuis, J. (1997) *Toward a Christian theology of religious pluralism*. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books.
- Florovsky, G. (1934) 'O granitsakh Tserkvi [On the boundaries of the Church]', *Put'*, (44), pp. 15–26. (In Russian).
- Gordienko, N. S. (1972) *Sovremennyi ekumenizm: dvizhenie za edinstvo khristianskikh tserkvei [Modern ecumenism: a movement for the unity of Christian churches]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Hick, J. (1982) *God has many names*. Philadelphia: Westminster Press.
- Hovorun, C. (2017) 'Ecumenism: Rapprochement Through Co-working to Reconciliation', *Religions*, 8(5), p. 70. <https://doi.org/10.3390/rel8050070>
- Kärkkäinen, V.-M. (2003) *An introduction to the theology of religions: biblical, historical, and contemporary perspectives*. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press.
- Kasper, W. (2006) *Manuel d'œcuménisme spirituel*. Bruyères-le-Châtel: Nouvelle cité. (Russ.ed.: (2009) 'Pravoslaviye i katolicheskaya tserkov'. 40 let posle obnarodovaniya Dekreta Vtorogo Vatikanskogo Sobora ob ekumenizme «Unitatis redintegratio», in *V poiskakh khristianskogo yedinstva. K 40-letiyu prinyatiya deklaratsii Unitatis redintegratio*. Moscow: BBI im.sv.ap. Andreyeva, pp. 19–35.).
- Knitter, P. F. (1985) *No other name?: a critical survey of Christian attitudes toward the world religions*. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books.
- Kochergin, V. V (2014) 'Theology of Religions', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriâ 17. Filosofîâ, konfliktologîâ, kul'turologîâ, religiovedenie*, (1), pp. 103–110. (In Russian).

- Kryanev, U. V (1980) *Khristianskiy ekumenizm [Christian ecumenism]*. Moscow: Izd-vo politicheskoi literaturny Publ. (In Russian).
- Kuraev, A. (2008) *Vyzov ekumenizma*. Moscow: Grifon. (In Russian).
- Melnik, S. V. (2020) 'Classification of Types of Interreligious Dialogue', *Communicology*, 8(2), pp. 25–51. (In Russian). <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-25-51>
- Panikkar, R. (1981) *The unknown Christ of Hinduism: towards an ecumenical christophany*. London: Darton, Longman & Todd.
- Shishkov, A. (2018) 'Discussing the Concept of «Conservative Ecumenism»', *State Religion and Church in Russia and Worldwide*, 36(4), pp. 10–29. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-4-10-29>
- Shishkov, A. V (2017) 'Two Ecumenisms: Conservative Christian Alliances as a New Form of Ecumenical Cooperation', *State, religion and church in Russia and worldwide*, 35(1), pp. 269–300. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-269-300>
- Shkarovsky, M. V (2012) 'Topical Problems of Russian Church Emigration in 20th Century: Historiographic and Source Study Aspects', *Christian reading*, (1), pp. 44–97. (In Russian).
- Tillich, P. (1963) *Christianity and the Encounter of the World Religions*. New York: Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/till90646> (Russ.ed.: (1995) 'Khristianstvo i vstrecha mirovykh religiy', in *Izbrannoye. Teologiya kul'tury*. Moscow: Yurist Publ., pp. 396–441.).
- Vasilevich, N. (2013) 'Already but Not Yet', *The Ecumenical Review*, 65(3), pp. 342–344. <https://doi.org/10.1111/erev.12050>

Информация об авторе

Любовь Анатольевна Городилова — аспирантка кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. Ломоносова, 119234, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Liubov A. Gorodilova — PhD student, Department of Religious Studies, Faculty of Philosophy, Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky Ave., Moscow, Russia, 119234 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 6.06.2022; принята к публикации 14.06.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 6.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.